

Плененное детство

ДЕНЬ ПАМЯТИ И СКОРБИ

Нам не нужно напоминать, что это за день. Двадцать второе июня для всех жителей России – это день, когда началась война. Время неумолимо. Тех, кто встретил ее лицом к лицу, остается все меньше. Но они – помнят.

Моя малая родина – село Барановка, расположенное на границе Калужской и Брянской областей. До Великой Отечественной войны оно насчитывало более 200 дворов. После объявления войны все пришло в движение: большинство молодых мужчин мобилизовали, бабы плакали. Слухи гуляли по деревням – один горше другого. Фашистские войска стремительно приближались к нашим местам. Так стремительно, что часть мужчин не успели призвать в действующую армию. Сверху пришло указание: колхозный скот отгонять в глубь страны. Несколько человек в селе, в том числе мой отец, были отряжены для этой цели. Выполнив задание, они вернулись, а у нас уже хозяйничают немцы.

Семья у нас была большая: мать с отцом, бабушка и четверо детей. Старшему – десять лет, а младшему еще и двух не сошло. Приходит как-то к нам в дом назначенный немцами староста и говорит:

– В нашем селе дислоцируется немецкая воинская часть, завтра к вам поселят двенадцать солдат.

На следующий день отец принес в избу несколько охапок сена и разостлал по полу. Других спальных мест в доме не было. Солдаты по-хозяйски расположились: сразу начали умываться, бриться. В тот же день пригнали откуда-то корову, как заправские мясники, зарезали ее, стали готовить обед. Мы, дети, глядели на их трапезу голодными глазами да слюнки глотали. Немцы иногда делились с нами супом, картошкой, кашей.

Осенью 1941 года мы с бабушкой собирали в лесу липовый лист: зимой его в голодное время и раньше использовали в пищу. Пока отсутствовали, село разбомбила наша авиация, сгорело 47 домов. Мы своих самолетов боялись больше, чем немецких. «Кукурузник»

подкрадется из-за леса и давай по домам поливать из пулемета. Отец вынужден был вырыть в огороде огромную яму, опустить туда сруб, а сверху в два наката положить дубовые бревна. Дубы он заготовил еще до войны: хотел заменить у дома сгнивший цоколь. Однажды в огород упала бомба: летчики метили в дом, да промахнулись. Убежищу ничего не сделалось. В него стали прятаться не только соседи, но и немцы, жившие поблизости. Подобные бункера были у многих, они спасали сельчанам жизнь.

Проходившие через село немецкие войска мародерствовали – стреляли птицу, скотину. Помню, зашел к нам во двор фриц и забрал овцу. Отец пытается объяснить ему:

– У нее только что родились ягнята, без материнского молока они погибнут.

– А ты съешь их сам, – ответил немецкий вояка, а овцу так и не вернул.

Сельчане стали скот прятать. Например, стайку с малым поросенком завалил соломой. Немцы зайдут – скота во дворе не видно. Начнут солому штыком протыкать, попадут в поросенка, он от боли завизжит и выдаст себя. Вытащат беднягу, выстрелят в ухо и начинают разделывать. Но не все солдаты были грабителями. Некоторые вели себя миролюбиво, даже делились с нами своим пайком.

У нас целый год жили три немца. Юган – писарь штаба, Адольф – повар и Франс – художник. Франс малевал вывески, лозунги, дорожные знаки. Например, за селом стоял запрещающий знак. Это означало: зайдешь дальше него – считаешься партизаном и подлежишь отстрелу. Жили немцы в нашем доме с зимы 1941 по 1942 год и порой помогали семье, особенно нам, детям. Повар наготовит для штабистов, а они все не съедали, осталь-

ное варево иногда доставалось нам.

Но такое случалось нечасто. Младший брат по ночам плакал от голода или от боли в животе после того, как наедался всякой тrefбухи. Адольф вешал прут и говорил:

– Будешь плякать – будет плёхо, – и указывал на прут. Но ни разу малыша не бил. Бабушке украдкой даст печенья и скажет: «Если маленький заплачет, покормишь его».

Сельчанам без разрешения никуда нельзя было отлучаться. В особых случаях немецкая администрация выдавала «аусджик». Идешь с ним куда угодно, никакие патрули не задержат. О партизанах мы слышали, но немцы поначалу не очень-то их боялись. Проезжие немецкие войска ночевали в домах вповалку на полу. Солдаты, в большинстве молодых, спали как убитые. Упадет ведро с таким грохотом – и даже ни один из них не пошевелится. Можно было запросто

переколоть кинжалом всех, дома не охранялись. Ходят двое часовых на все село, а длина села более километра.

За партизан фашисты карали жестоко. Километрах в восьми от нашей Барановки находилась деревня Ксынь. Возле этого селения партизаны убили немецкого почтальона. Гитлеровцы согнали сельчан на площадь. Они покорно пришли, ведь большинство из них даже не знали о гибели почтальона. Всех тут же на площади и расстреляли: не пощадили ни стариков, ни женщин, ни детей. Трупы побросали в колодезь. В живых случайно остался один старик, он опоздал, так как долго собирался.

Колхозы немецкие власти распустили сразу же. Всех сельчан наделили землей. Крестьяне опять стали единичниками, и многим это пришлось по душе. В период оккупации продолжали работать школы, мы учились.

В начале 1942 года заболела наша мать и вскоре умерла. Помню, сидим всей семьей и горюем у гроба. Посочувствовать нашему горю пришел немецкий солдат, но не из тех, что жили у нас, другой, расквартированный в нашем селе. Возможно, до войны был священником.

Осенью 1942 года через Барановку бесконечным потоком двигались немецкие войска: как в сторону фронта, так и обратно. Очевидно, на востоке фашисты несли большие потери. Лязгали гусеницами колонны танков, покрашенных в мышиный цвет, шли вереницы солдат, одетых в черную форму. Сельскую школу оккупационные власти забрали под военный госпиталь. Мы, вездесущие подростки, бегали поглазеть на искалеченных немецких вояк. Одни были без ног, другие – без рук, тянулись культиявкой – просили покурить. Много солдат умирало от ран. За школой-госпиталем постепенно образовалось большое кладбище. Но об этом захоронении в Германии не знают до сих пор. Как ни странно, немецкие доктора оказывали медицинскую помощь и русским. Даже лечили заболевших тифом. С большими зубами тоже шли к немецкому доктору, и он никому не отказывал.

В феврале 1942 года немцы выгнали нас из дома, чтобы поселить еще нескольких немецких военных. Зимой нам пришлось доживать у соседней. Однако не могу сказать, что немцы зверствовали. Весной 1942 года был такой случай. Сидят солдаты на крыльце нашего дома. Я из рогатки метил в воробья, а попал одному из сидящих в щелку. Он как на меня заорет (кто же не закричит в таком случае), ведь я мог и глаз выбить. Пострадавший приказал русскому пленному догнать меня. Тот догнал, перекинул хилое тело через плечо, принес и поставил на землю. Фриц отвел мне несколько не очень сильных пощечин, а другой вступился за меня и в утешение угостил конфетой. Этим дело и кончилось.

Еще помнится из далекого военного детства: туго приходилось курильщикам. Свой табак сельчане еще не умели выра-

шивать. Фрицы курили сигареты или сигары. Иногда мужикам удавалось разжиться «бычком». Мы, мальчишки, поджигали, когда кто-нибудь из фрицев бросит окурок, чтобы потом отнести его взрослым. Некоторые немецкие солдаты из вредности затаптывали брошенный окурок, другие, наоборот, давали целую сигарету.

Хотелось бы помянуть добрым словом старосту нашего села Аношкина. Мародерствуя, немцы нередко забирали со двора последнюю корову. Без коровы-кормилицы на одной картошке долго не протянешь. Поэтому за крупный рогатый скот боролись, рискуя жизнью. За сопротивление солдатне не составляло труда расстрелять непокорного на месте. В таких случаях бежали за старостой. Аношкин бросал все дела, прибежал на место происшествия и, отобрав у мародеров корову, возвращал владельцам.

Староста был представителем немецкой администрации на местах, и с ним вынуждены были считаться. Очень многим помог он. Однако после войны его судили за пособничество немецким властям и приговорили к лишению свободы на 25 лет. Из лагерей он не вернулся.

В один из летних дней 1942 года над селом завязался воздушный бой. По пять самолетов участвовало с той и другой стороны. Крутились они в небе друг за другом, как гигантские птицы. Зрелище захватывающее. Все село, включая немцев, высыпало смотреть на эту поднебесную дуэль. Мы за своих переживали, немцы, соответственно, за своих. Один из наших самолетов задымил и начал падать. Летчик успел выпрыгнуть и благополучно на парашюте приземлился. Следом прибежал немец и закричал: «Хенде хох!» Но летчик руки поднять не смог, так как был ранен. Фриц выстрелом добил его. Подбежавший следом немецкий офицер, увидев, что сбитый летчик мертв, был в ярости, он чуть не ударил прикладом того, кто прикончил «языка».

Б. ФАРАФОНТОВ.

(Окончание следует.)